

БЕЗМОЛВНЫЙ СВИДЕТЕЛЬ

ДЕНИС ПРОЗДОВ

ДЕТЕКТИВ ПРО ЛЮДЕЙ И НЕ ТОЛЬКО

Получил
наследство
КОТ

Безмолвный свидетель. Детектив про людей и не только

Денис Дроздов

Получил наследство кот

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Дроздов Д.

Получил наследство кот / Д. Дроздов — «Эксмо»,
2016 — (Безмолвный свидетель. Детектив про людей и не только)

ISBN 978-5-699-86012-8

В Лондоне, в возрасте ста двух лет, умерла весьма состоятельная баронесса российского происхождения Баух. Многочисленные родственники из России уже начали радостно потирать руки в предвкушении солидного наследства, но тут выяснилось, что, согласно завещанию, все состояние баронесса отписала... своему коту Феликсу. Жирному, ленивому коту сибирской породы! Юридическая компания, ведущая это дело, доверила опеку кота преуспевающему адвокату Илье Старикову, а следить за здоровьем пушистого миллионера – его другу, ветеринару Глебу Звоницкому. Друзья встретились, чтобы обсудить, как им теперь обслуживать хвостатого наследника, но так и не составили план действий. Илья был убит в своем доме в кругу родственников и друзей. Втянутый в эту темную историю ветеринар Звоницкий начинает собственное расследование...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-86012-8

© Дроздов Д., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	21
Глава 3	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Денис Дроздов

Получил наследство кот

© Дроздов Д., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Пролог

Они стояли над бездыханным телом и смотрели на него остановившимися глазами. Все попытки реанимировать его, которым они посвятили последние полчаса, ни к чему не привели. Все было напрасно. Труп оставался трупом. В воздухе отчетливо пахло безысходностью.

– Он мертв, – наконец отважился высказать один из присутствующих мужчин то, что и так было ясно.

– И что теперь делать?! – Голос женщины взлетел до истерического визга.

– Что теперь с нами будет? – спросил второй мужчина, помолже.

Собственно, это было единственным, что волновало собравшихся... Хотя ни один из них не решился бы в этом признаться. Все самое ужасное уже произошло. Исправить ничего нельзя. И теперь возмездие вставало над ними неотвратимо, как айсберг перед «Титаником»...

Старший из мужчин обвел собравшихся взглядом человека, только что пролетевшего на дельтаплане над преисподней.

– Вы понимаете, чем это нам грозит?! Это... это конец, конец всему!

– Спокойно! – Женщина первой обрела хладнокровие. – Берегите нервы, папаша. Если мы поведем себя по-умному, никто ничего не узнает. Сейчас все зависит от нас. Так что... Дышите глубже.

– А если... если все-таки кто-нибудь узнает?

– Ну тогда он очень скоро об этом пожалеет... – усмехнулась женщина. – В общем, не советую никому совать свой нос в эту историю!

– Да! – поставил точку в разговоре четвертый соучастник преступления. – Мы об этом позаботимся. Пусть тайна останется тайной...

Глава 1

– Вот пуля пролетела, и ага... Вот пуля пролетела, и ага... Вот пуля пролетела, и товарищ мой упал...

Глеб Аркадьевич Звоницкий поднял глаза от операционного стола и наткнулся на красноречивый взгляд ассистента. «Ну, ты и оригинал, дядя! – вот что было написано в голубых глазах Игорька. – Ты, конечно, профи в своем деле, маэстро и все такое... Но, по-моему, ты просто старый чудак!»

И ничего не старый! Сорок семь – это разве возраст? Если верить расхожему мнению, что в сорок лет жизнь только начинается, то он, Глеб Звоницкий, в школе жизни – первоклашка. Ну а то, что он большой оригинал, – это да, этого не отнять. Просто Глеб Аркадьевич каждую минуту посвящает тому, на что у большинства людей не хватает времени, – радуется жизни. Семь лет назад он умер и целых две минуты был мертв. Его вытащили с того света, и теперь Звоницкий чрезвычайно ценит каждое мгновение.

– Вот пуля пролетела, и товарищ мой упал, – задумчиво пропел Глеб Аркадьевич, думая при этом: «Н-да, а ведь мальчишку придется убрать... Причем прямо сегодня. Слишком много стал себе позволять, злодей».

В операционной было жарко, и он утер пот со лба.

– Кондиционер отрегулировать? – тут же вскинулся Игорек.

– Поздно, – мрачно отозвался Звоницкий, – раньше надо было думать. Я тебе сколько раз говорил, что в операционной должно быть девятнадцать градусов, ни больше ни меньше? Десять раз? Или сто?

– Ну, раз десять уж точно! – хмыкнул Игорек.

Глеб Аркадьевич смерил парня холодным взглядом и промолчал. «Да, решено. Убираем этого болвана прямо сегодня. Вот закончим дела, тогда и поговорим...»

Звякали инструменты, сияли лампы, Звоницкий привычно мурлыкал себе под нос очередной шлягер шестидесятых.

Игорек, видимо, что-то почувствовал – он тревожно заглянул в лицо шефу и предложил:

– Глеб Аркадьевич, давайте я зашью, а вы отдохните!

– Не надо, я сам.

Звоницкий наложил швы. Кр-р-расивая работа! Снял перчатки и бросил в лоток.

– Инструменты собери, – велел он Игорьку.

Ассистент торопливо бросился выполнять, а он, сняв перчатки и бросив их в лоток, вышел из операционной.

Воздух в приемной был куда прохладнее, поэтому Глеб Аркадьевич остановился отдышаться, но к нему вдруг подскочила старушка в элегантном брючном костюме цвета кофе с молоком.

– Доктор, как там мой мальчик? – прижимая к груди сумочку, дрожащим голосом спросила она.

– Не волнуйтесь, все в полном порядке! – важно кивнул Звоницкий. – Через пятнадцать минут можете забирать. Переноска у вас с собой? Швы снимать не нужно – они постепенно рассосутся сами. Обрабатывать умеете, не мне вас учить... Так что в полном порядке ваш...

– Марсик! – подсказала старушка.

– Марсик, точно, – кивнул Глеб Аркадьевич.

– Это уже шестой, – счастливо улыбнулась старушка. – Понимаете, они так недолго живут... Поэтому я называю их одинаково. Вроде бы это один и тот же... Спасибо, доктор! Про вас все говорят, что вы лучший кастратор в городе!

– П-простите, кто?! – закашлялся Звоницкий.

– Лучший кастратор! – подняв палец, значительно повторила хозяйка Марсика и, неожиданно сделав грустное лицо, осведомилась: – Скажите, доктор, а скидки пенсионерам в вашей клинике предусмотрены? Я очень на это рассчитываю. Пенсия у меня небольшая...

Звоницкий пробежался взглядом по собеседнице, отметив кожаную сумочку и туфли, костюм из натурального льна, не обошел вниманием камешки в ушах – карата в два каждый, и, вздохнув, махнул рукой подоспевшему ассистенту:

– Игорь, оформите скидку.

Ассистент вручил хозяйке запеленатого Марсика, еще не отошедшего от наркоза. Хозяйка подхватила его на руки и принялась ворковать над страдальцем. Вдруг она подняла взор на ветеринара и торжественно заявила:

– Ну, со следующим Марсиком мы, доктор, только к вам!

– Разумеется. Милости просим, – кивнул Звоницкий.

И занялся следующим пациентом – печальным лабрадором, который с месяц назад притащил на себе с десяток, не меньше, клещей с загородного пикника. Глеб Аркадьевич вспомнил, что эта псина никак не давалась, когда ветеринар пытался взять у нее кровь на пироплазмоз. Такой анализ берут из уха – кровь нужна периферическая, венозная не даст установить правильный диагноз. Лабрадор своими ушами очень дорожил и, несмотря на тогдашнее плохое самочувствие, сопротивлялся как лев. Глеб с хозяином тогда прямо намучались... Под микроскопом Звоницкий обнаружил *пироплазму канис*, простейшее одноклеточное, паразитирующее в эритроцитах, которое и вызывает заболевание. Именно оно, а вовсе не клещ и есть причина болезни. А клещ – простой переносчик. К тому времени у собаки уже были явные проявления болезни – лихорадка, вялость, кровь в моче. Схему лечения Звоницкий назначил стандартную – имидосан, потом капельницы. Сегодня хозяин привел собаку на последнюю инъекцию витамина В₁₂. Сейчас лабрадор был здоров, просто клиника вызывала у него неприятные воспоминания, отсюда и поджатый хвост, и грустный взгляд.

Звоницкий распахнул дверь во вторую процедурную и кивнул собаке:

– Ну, заходи, раз пришел.

Получив положенный укол, пес заметно повеселел и потащил хозяина на улицу. Тот пытался расплатиться за услуги ветеринара, но лабрадор не хотел ничего знать про такую странную, бесполезную, придуманную людьми вещь, как деньги, и рвался на волю.

Глеб Аркадьевич вышел на крыльцо проводить лабрадора и его хозяина, а заодно взглянуть, не испортилась ли погода. Дело в том, что на вечер у Звоницкого было намечено интересное мероприятие. Не хотелось бы, чтобы внезапный дождь спутал планы...

Но небо было ясным, редкие облачка не в счет.

Пожелав лабрадору никогда больше не попадать в клинику, он вернулся в свой кабинет и неожиданно застал там крайне неприятную картину: Игорек пятился к стене, а на него, уперев руки в монументальные бока, грозно наступала дама с полузабытой прической «Бабетта идет на войну».

– Глеб Аркадьевич! – жалобно пискнул Игорек. – Уберите от меня эту... эту... психованную!

– Сам ты психический! – ринулась в атаку дама. – Да еще жулик вдобавок!

Звоницкий с интересом смотрел на происходящее. Он давно подозревал, что его ассистент слегка... того... нечист на руку, а сейчас, похоже, получил этому подтверждение.

– Представляете, чего этот ваш Бендер сделал, – пояснила «Бабетта», – назначил моему псу лекарство и сам же его мне продал. Четыреста пятьдесят рублей упаковочка! На курс надо три. Ну, мне для любимой собачки ничего не жалко... но потом прихожу я в аптеку, а там точно такое же лекарство – вот не поверите – сто рублей!

– Да не такое! – взвыл Игорек. – Там дозировка другая, и оно вообще импортное! Как раз столько и стоит. Я для вашей собаки самое лучшее, а вы...

– Какое лекарство? – деловито осведомился Глеб Аркадьевич.

– Платифиллин, – вжав голову в плечи, тихо произнес Игорек.

– Та-ак, понятно. – Звоницкий обернулся к даме и успокаивающим тоном, каким обычно разговаривал с четвероногими пациентами, пообещал: – Это просто недоразумение. Игорь Семенович ошибся. Он доктор начинающий, неопытный... Сейчас он вернет вам разницу в стоимости лекарства. А я от лица нашей клиники прошу извинить моего помощника.

Звоницкому многие говорили: против магии его успокаивающего голоса устоять невозможно. Вот и сердитая дама еще немного подышала, раздувая ноздри, а потом с размаху опустилась на стул, который жалобно пискнул под ее весом, и мирно сообщила:

– Да ладно, я не обидчивая. Если ваш парнишка вернет мне деньги, я что ж... Я не возражаю. Собаку мою вы вылечили... Клиника у вас хорошая, и от дома близко. В следующий раз снова к вам придем!

Игорек замер с приоткрытым ртом. Кажется, такого поворота событий «Бендер» не ожидал.

– Глеб Аркадьевич, – прошипел он на ухо шефу, – мне что, из своего кармана деньги отдавать этой психованной?

– А куда ты положил разницу между ценой платифиллина в нашей аптеке и тем, за сколько загнал лекарство? – поинтересовался Звоницкий. – В карман? Вот оттуда и доставай.

Игорек, сердито сопя, расплатился с дамой, и та, вполне довольная, покинула кабинет.

В дверь немедленно просунулась голова девушки с сонным котом на руках.

– Можно, Глеб Аркадьевич?

– Прошу вас подождать минут пять-десять, – попросил ветеринар. Кот был «повторный», ничего срочного.

Девушка скрылась, и Звоницкий аккуратно прикрыл за ней дверь. Игорек исподлобья наблюдал за шефом. Сейчас он удивительно напоминал Звоницкому добермана, который когда-то жил у него дома и обожал делать лужи в неположенных местах. Точно такое же самодовольно-глупое выражение на физиономии – да ладно, все обойдется! Хозяин слишком доверчив, чтобы заметить лужу в коридоре!

– Присядьте, Игорь! – вполне миролюбиво предложил Звоницкий.

– Зачем? – напрягся ассистент. – Нас это... пациенты ждут.

– Понимаете, у меня правило, – очень вежливо пояснил Глеб Аркадьевич, – я никогда не увольняю своих сотрудников на бегу и без объяснения причин. Больше пяти минут это не займет, так что присядьте.

Игорек опустился на стул, как будто у него разом ослабели ноги.

– А вы... вы что, уволить меня собираетесь?!

– Именно так, – без улыбки ответил Звоницкий.

– Но... за что?! Подумаешь, платифиллина флакон загнал! Да все так делают! Она и не заметила ничего, эта баба, еще спасибо говорила!

Звоницкий вздохнул. Он был вежливым человеком, и порой у окружающих могло сложиться неправильное мнение о нем. Глеб Аркадьевич никогда не орал на подчиненных, скальпелями не швырялся, но это вовсе не означало, что он был рохлей и мямлей. Звоницкий умел быть очень жестким – его юные ассистенты даже не подозревали *насколько*.

Просто он старался дать начинающим ветеринарам шанс сделаться нормальными специалистами, сработаться с шефом. Но с ассистентами Глебу хронически не везло. За то время, что просуществовала его клиника, Звоницкий сменил шестерых. Один оказался вороват, у второго руки были, что называется, «не тем концом» приставлены, и, побившись с месяц, Звоницкий понял, что мало-мальски пристойного врача из парнишки не выйдет, как ни старайся... Еще одна выпускница «ветеринарки» полировала на работе ногти и строила глазки клиентам, а следующая была дочкой давних знакомых. Звоницкий взял ее «по протекции» и наму-

чился, пытаясь избавиться от никчемной девицы, которая вдобавок ко всему и сама не испытывала ни малейшего влечения к непростой профессии ветеринарного врача, а мечтала о карьере модели...

В общем, Игорек был шестым неудачным опытом Звоницкого. Первое время парень, что называется, «тянулся» – старался выполнять работу как можно лучше, внимательно слушал замечания шефа. Но постепенно расслабился, работал спустя рукава, хамил клиентам. Глеб Аркадьевич давно подумывал, что пора расставаться. История с платифиллином оказалась последней каплей.

– За что? – жалобно повторил Игорек.

Ну еще бы! Работа рядом с домом, график щадящий, да и платил Звоницкий более чем нормально... Жалко терять такую работу!

– То, что ты сегодня сделал, на уголовном жаргоне называется «крысячить», то есть воровать у своих, – смерив его взглядом, жестко проговорил Глеб. – Эта клиника принадлежит мне, не забыл? Значит, положив в свой карман «навар» от трех флаконов лекарства, ты украл не у кого-нибудь, а у меня! А я такого не прощаю, понял?

Игорек во все глаза смотрел на шефа. Он никак не ожидал, что вежливый, интеллигентный, похожий на профессора Звоницкий может быть и таким тоже. Ой, блин, влип так влип! И, главное, из-за чего? Навар ведь получился копеечный, вот что самое обидное...

Да, кажется, краем уха Игорек слышал, что его шеф раньше работал то ли в прокуратуре, то ли в адвокатуре... короче, в органах. Знать бы заранее, чем все закончится, ни за что не стал бы толкать «налево» этот злосчастный платифиллин...

А Глеб Аркадьевич как ни в чем не бывало откинулся на спинку стула и задумчиво произнес:

– Странно, что люди сравнивают себя с животными, когда говорят о чем-то гадком. «Злой как собака», «упрямый как осел»... И крысам досталось, можно сказать, ни за что. Интеллигентнейшие животные, чрезвычайно умные...

Игорек таращился на шефа. Кажется, в своей любви к «братьям нашим меньшим» тот перешел всякие границы... Лучше бы он с такой любовью относился к начинающим ветеринарам! А то чуть что, так сразу увольнять...

– Глеб Аркадьевич, – предпринял новый заход ассистент, – дайте мне еще один шансик, а? Я это... обещаю исправиться! Больше никаких... э-э, косяков, честно!

– Честно надо было раньше. Кстати, ваше «крысятничество» – это далеко не единственная претензия с моей стороны. Вы постоянно наносите урон репутации моей клиники. Вы грубите клиентам. И ваши неумелые манипуляции с капельницей тоже не прибавляют нам очков...

– Глеб Арка-а-дьевич! – заныл юноша.

– Достаточно, Игорь, не унижайтесь! – Звоницкий резко поднялся. – Я своих решений не меняю. Вы свободны. Расчет можете получить хоть завтра.

Ассистент еще немного постоял, тяжело дыша, но, поняв, что точка в разговоре шефом поставлена, причем жирная и окончательная, выскочил из кабинета с перекошенным от гнева лицом.

Звоницкий пожал плечами и пригласил в кабинет девушку с «повторным» котом. До самого вечера Глеб Аркадьевич вел прием один. Как назло, после ухода Игорька пациенты потянулись вереницей. В приемной скопилась небольшая очередь. С одной стороны, это было даже приятно – очередь означала, что открытая недавно клиника востребована. Значит, район, где Звоницкий арендовал помещение, выбран правильно, и при условии «по-умному» налаженной работы клиника будет процветать. С другой стороны, сидеть в очередях никто не любит. Современный человек – это вам не терпеливый обитатель «совка», который воспринимал многочасовые очереди как нечто неизбежное – вроде морозной зимы или слякотного

лета. Тем более что ему особенно и некуда было торопиться... Современный городской житель совершенно не привык ждать. Конкуренция так велика, что всегда можно найти аналогичную услугу неподалеку. А вот этого Глебу Аркадьевичу никак не хотелось.

Так что до самого вечера Звоницкий проявлял прямо-таки чудеса *скоростной* медицины. Никогда еще он так быстро не накладывал швов, не кастрировал и не перевязывал. Работать без ассистента было неудобно и непривычно, и пару раз Звоницкий ловил себя на том, что ждет, когда ему подадут инструменты или перевязочный материал.

Но Глеб Аркадьевич принял, так сказать, вызов обстоятельств, благополучно управился со всеми трудностями и, кстати, неплохо заработал. К восьми вечера, когда клиника закрылась, он утер со лба трудовой пот и с облегчением выпроводил последнего четвероногого пациента.

Быстро привел в порядок смотровую и операционную, убрал инструменты. К восьми утра явится приходящая уборщица тетя Маша, она вымоет полы. Затем умывся, сменил темно-синюю хирургическую форму на летние брюки и рубашку, запер клинику, сел за руль своей новенькой «Мицубиси Паджиро» и поехал домой, привычно мурлыча под нос «Ландыши, ландыши, нежного мая привет».

Звоницкий был доволен новой машиной. Тем более что эту серебристую красавицу по его заказу только что переделали под ручное управление. После «того, что случилось», коленный сустав был не в лучшем состоянии, вернее, его собрали по кусочкам, и правая нога иногда подводила. Звоницкий не любил рисковать и потому предпочитал машину с ручным управлением. Незачем ставить под удар жизни окружающих – и пешеходов, и водителей. Да и свою собственную жизнь Глеб Аркадьевич чрезвычайно ценил. Особенно после «того, что случилось»...

После взрыва начиненной гексогеном машины сотрудник прокуратуры Глеб Звоницкий выжил чудом. Собственно говоря, не совсем выжил... Клиническая смерть длилась две минуты. А потом Звоницкого, что называется, вытащили с того света. Глеб Аркадьевич никогда и никому не рассказывал о том, что видел «по ту сторону». Но с этого момента жизнь его бесповоротно изменилась.

Престижную службу в прокуратуре, где Звоницкий стремительно делал карьеру, пришлось оставить. Прежде всего по состоянию здоровья, конечно. После взрыва Глеб восстанавливался очень долго – больше года. Позвоночник, колено, поврежденная сетчатка глаз... Одно время была вполне реальна угроза полной слепоты. Ну, про косметические дефекты и говорить нечего – прежде красивое лицо Глеба Аркадьевича теперь выглядело так, будто в него в упор выстрелили мелкой дробью. И если шрамы на коже в конце концов зажили, нервную систему проклятый гексоген распатал навсегда.

Из больницы Звоницкий вышел, тяжело опираясь на палку, в специальных затемненных очках – глаза не выносили яркого света. Он страдал бессонницей, приступы панических атак были пугающе регулярными – внезапно Глеб покрывался холодным потом, сердце начинало неровно стучать, бухало, все ускоряя бег крови, в висках стучало, голова кружилась, и возникало полное ощущение, что сердце сейчас остановится. Конечно, Звоницкий знал, что это просто причуды травмированного организма, что на самом деле его жизни ничто не угрожает... Но справиться с атаками силой воли было невозможно, а сидеть на лекарствах он не хотел: хватит, спасибо, и так за время лечения посадил себе печень.

Его с почетом проводили на пенсию. Коллеги скинулись и подарили уважаемому Глебу Аркадьевичу элегантную трость вместо больничной палки. С этой штукой Звоницкому предстояло «шагать по жизни» до конца своих дней. Он, конечно, вежливо поблагодарил коллег, но трость возненавидел с первого взгляда и навсегда. Ему было сорок пять. Перед злосчастным происшествием Звоницкий находился на взлете карьерного роста и не собирался останавливаться на достигнутом. Теперь на всех его планах можно было поставить жирный крест.

С личной жизнью тоже складывалось не очень. С женой Глеб развелся за год до теракта и ничуть об этом не жалел. Людмила – далеко не Флоренс Найтингейл, знаменитая медицинская сестра. Она не собиралась сидеть у постели больного, а уж муж-инвалид, пенсионер по состоянию здоровья ей был и вовсе ни к чему – не укладывался в ее персональный «жизненный план».

Этот самый «жизненный план», где все было рассчитано, все предусмотрено – от важного вплоть до самых незначительных мелочей, – Людмила предъявила Глебу еще на втором свидании.

Юный Звоницкий был тогда потрясен: во времена «позднего совка» никто из родных и знакомых ничего не планировал, исключая выезд всей семьей на дачу на посадку картошки. А эта девушка с точеным профилем и прической «пони-тэйл», в просторечии «конский хвост», уже точно знала, что диссертацию она защитит к тридцати, а ребенка родит в тридцать два. На сорок лет планировалось, кажется, первое протезирование зубов...

Подобная целеустремленность была редкостью в те сонные, «беззубые» времена. Собственно, во многом юный Звоницкий влюбился в свою будущую жену именно из-за этого «плана». Сам он был порядочным раздолбаем, и если бы его тогда спросили, чего он хочет от жизни, честно бы ответил, что не имеет ни малейшего понятия. Глеб успел закончить два курса ветеринарной академии, писал стихи в толстую тетрадку, бренчал на гитаре и увлекался бардовской песней.

Целеустремленная первокурсница химического факультета поразила его неискушенное сердце. И вскоре юная пара уже стояла перед теткой в голубом кримплене, сотрудницей районного ЗАГСа, обещая строить образцовую советскую семью и с трудом сдерживая здоровый смех.

А дальше... Дальше приключилась «перестройка», и Людмиле Звоницкой приходилось вносить коррективы в свой «жизненный план» едва ли не каждую неделю.

Юная супруга забеременела. Поскольку ребенок в ее «плане» ожидался не раньше тридцати, Людмила от него избавилась, навсегда потеряв способность иметь детей, чего уж точно не планировала. Чтобы заработать на лекарства, Звоницкому пришлось покинуть ветеринарный, после чего его призвали в армию.

Двухлетняя служба на границе с Афганом стала странной передышкой в его жизни. Война уже закончилась, и войска недавно вывели. Глеб попал в отряд кинологов и целых два года патрулировал границу вместе с умной старой овчаркой по имени Веста. Именно «по имени» – Веста была такой умной, что вполне могла бы нести службу самостоятельно, обходясь без кинолога. Собак Звоницкий и до того любил, а теперь зауважал окончательно. Служба получилась приятной – никакой дедовщины в отдаленном гарнизоне не водилось, да еще и «по профилю» – Глеб все еще планировал вернуться в ветеринарный.

Но страна, в которую он попал после демобилизации, не имела ничего общего с его сонной, добродушной, слегка «поддатой» родиной. Ему показалось, что он оказался за границей. И люди вокруг явно были иностранцами – ну не могли его соотечественники так быстро перемениться до неузнаваемости! Старикам перестали уступать место в транспорте – воспитанный Звоницкий заметил это сразу, в первый же день. Главными героями новой эры стали киллер и проститутка. Юные граждане новой страны на полном серьезе мечтали о подобной карьере. Мальчики – о том, чтобы их взяли на роль бойца в какую-нибудь бригаду, девочки – чтобы попасться на глаза кому-то из новых хозяев жизни, и не важно где – хоть в бане.

Звоницкий не мог поверить, что люди способны так быстро меняться: прошел какой-то год, потом второй, и вот уже родину не узнать. Это были уже другая страна и другой народ. Еще недавно эти люди были заодно в своем стремлении «навернуть» государство – непонятные иностранцу слова «блат», «прихват», «барашка в бумажке» были ясны и дошкольнику. А сегодня «дорогие россияне» зубами рвали друг друга в жадных попытках выгрызть себе немного денег из окружающего хаоса, ходили на митинги и умирали в очередях от инфаркта.

Глеб Аркадьевич слегка растерялся. Он как-то не собирался включаться в этот безумный хоровод и планировал тихо отсидеться за стенами ветеринарки. Но у Людмилы были другие планы на их совместное будущее. Молодая жена заявила, что ветеринар – это не профессия для мужчины, что он слишком низко себя ценит, на самом деле он способен на куда большее, чем ставить клизмы коровам, что она, Людмила, не для того выходила замуж за Глебушку, чтобы «плодить нищету»... Поскольку в то время Глеб еще не знал, что с мыслями о потомстве придется проститься навсегда, аргумент был очень сильным.

И Звоницкий повздыхал, убрал на антресоли стопку учебников по ветеринарному делу, гитару в чехле и отправился поступать в юридический.

Вообще-то Людмила мечтала, чтобы Глебушка стал адвокатом. Количество судебных дел увеличивалось с каждым годом. Казалось, каждый второй сидел, сидит или вот-вот сядет. Нереальные по советским меркам деньги, которые крутились в этом «бизнесе», туманили разум. Да и самому Звоницкому нравилась идея защищать невиновных – несмотря ни на что, он в душе все еще оставался романтиком. Но поступить куда хотелось было совершенно невозможно – даже Звоницкому с его льготами после армии. Людмила бегала, суежилась, совала кому-то взятки (кстати, она необычайно быстро выучилась это делать), – но все было без толку. В конце концов даже ей пришлось это признать.

Зато Глеба с его армейской характеристикой взяли на другой факультет. Так он оказался в прокуратуре. Работу свою Звоницкий не любил, но, будучи перфекционистом, старался выполнять как можно лучше. Взятки не брал. Когда звонили «сверху» и давили, не пытался сопротивляться, а послушно выполнял требуемое. Короче, соблюдал правила игры. Очень скоро он обзавелся покровителем «в верхах». Этот человек, кое-чем обязанный молодому прокурору, быстро двигался вверх и про своего протеже не забывал. Звоницкий был полезен, к тому же умен, тактичен, умел держать язык за зубами. В общем, «свой человек».

Глеб обзавелся квартирой и загородным домом, солидным автомобилем. Людмила тоже аккуратно водила сиреневую «Мазду», занималась отделкой то квартиры, то дома, то снова квартиры... Так незаметно летело время.

К сорока четырем годам Глеб Аркадьевич обнаружил, что у него растет пузо, при ходьбе возникает одышка, да и наличие лысины отрицать больше невозможно. А еще – что они с женой совершенно чужие люди и что он находит любой предлог, лишь бы не находиться в одном помещении с этой женщиной – все такой же стройной, ухоженной, с отличными, по «плану» сделанными зубами, но холодной, как зима, и жесткой, как стальная балка.

За эти годы Людмила, изрядно пометавшись и испытав на себе превратности судьбы, все-таки защитила диссертацию. Но вот ребенка – ребенка так и не получилось. Вместо него у Людмилы Звоницкой был свой фармацевтический бизнес. Глеб, конечно, немного помог на начальном этапе, но дальше бывшая студентка химфака управлялась самостоятельно. Она дважды теряла все свое состояние и дважды возвращала – еще и с прибылью. Перенесенные испытания выжгли в ее организме остатки человечности, и Звоницкий старался как можно реже пересекаться с этой холеной стервой. Честно говоря, Глеб ее жалел. Людмила переживала свою бездетность куда сильнее, чем это можно было предположить.

На сорок пятый день рождения супруга организовала Звоницкому праздник. Это был прием в стильном загородном ресторане. В этот день с самого утра Глеб чувствовал себя неважно: сердце покалывало, голова кружилась. Да и настроение было... не очень. Вовсе не таким, каким оно должно быть у преуспевающего человека на пике карьеры, с отличными перспективами. Нет, конечно, жизнь удалась. Но... Что-то ныло в душе, как зуб под коронкой. Почему-то хотелось достать гитару и взять пару аккордов. Но гитары давно не было – потерялась при переезде на новую квартиру. Конечно, Звоницкий мог бы купить себе хоть десяток гитар... но как-то это было... глупо, что ли. Да и зачем?

Прием удался – Людмила, как всегда, была на высоте. Она признавала только «хай-класс», и только один Звоницкий помнил, как Люда обожала слипшиеся пельмени из кулинарии за углом.

Были сказаны уже все тосты – и за здоровье именинника, и за его очаровательную супругу, и за дальнейший карьерный рост, и за дорогих гостей... Гости разбрелись по кучкам, фонарики зажглись над противомоскитной сеткой, вечер дышал прохладной...

И тут Глеб поднял голову от тарелки. Он был слегка пьян, но соображал нормально. Кто все эти люди?! Деловые партнеры, «полезные» знакомые. Кто эта женщина, что деловито беседует с помощником губернатора? Неужели это его жена?

Ему сорок пять. У него нет друзей – только полезные люди. Нет любимой – только удобная, как старый башмак, супруга. А что, если с ним приключится инфаркт? Вот прямо сейчас? Каким вспомнят его люди? И что вспомнит он сам – о своей жизни, которая почти уже прошла?

Овчарку Весту? Почему-то, кроме его старой собаки, никаких привязанностей в жизни Звоницкого не было... не считать же случайные любовные истории...

Тот вечер закончился как в тумане – с горя Глеб напился так, как давно уже себе не позволял. Людмила на такси доставила мужа домой, сгладила неловкость перед гостями. Но и так никто ничего не заметил.

С тех пор нет-нет, но всплывали иногда с темной глубины тревожные мысли, нарушали распорядок идеально устроенной, удобной, привычной жизни...

Вскоре Глеб развелся с Людмилой – кстати, по ее инициативе. Супруга заявила, что давно уже любит другого – помощника губернатора, того самого. Звоницкий ужасно удивился: «Людмила» и «любить» казались ему несовместимыми понятиями. Но на развод, разумеется, согласился – все прошло тихо, чинно, благородно. Людмила получила загородный дом, а Глебу осталась квартира в центре.

А потом был взрыв.

Выйдя из больницы, Глеб Аркадьевич попытался наладить свою жизнь. Пенсия у него была более чем приличная, квартира в тихом центре, машина... Но жизнь упорно не налаживалась. Родители Глеба давно умерли, братьев или сестер у него не было. Глеб хотел завести собаку... но с покалеченной ногой прогулка превратилась бы в пытку, так что даже в этой простой радости ему было судьбой отказано.

Однажды зимней ночью Звоницкий обнаружил себя стоящим на балконе. Если встать вон на тот ящик, то и палка не помешает. Одно движение – и нет ничего этого: ни одиночества, ни жизнерадостного мелькания в телевизоре с выключенным звуком, ни коробки с лекарствами на столике у кровати.

Он стоял на балконе долго, глядя на цепочки разноцветных огней, – до тех пор, пока не замерз. Потом вернулся в комнату, негнущимися руками закрыв на щеколду балконную дверь.

На следующее утро он позвонил риелтору. Продал громадную квартиру в тихом центре – как он и предполагал, за эти годы она взлетела в цене и теперь стоила целое состояние – и купил «двушку» на окраине, в зеленой зоне по соседству с парком. А оставшихся денег как раз хватило для того, чтобы открыть ветеринарную клинику.

Это было два года назад. За это время Звоницкий заочно, на коммерческой основе, окончил ветеринарный институт и с удовольствием уволил властную Марью Петровну – ветеринара с двадцатилетним стажем, которую взял на работу сразу же, как открыл собственную клинику. Надо сказать, что от Марьи Петровны Глеб научился большему, чем в ВУЗе. Вот только сражаться с властной и грубоватой дамой так и не смог. Та все время пыталась командовать, а Звоницкий, проработавший много лет на руководящих должностях, от такого отвык. Полтора года, пока шла учеба, он терпел, как терпит послушник от старого монаха. А в день, когда получил диплом ветеринарного врача, с облегчением расстался с Марьей Петровной, выплатив

ей «золотой парашют». Вот уже полгода Глеб Аркадьевич работал один – ну то есть не один, а с постоянно сменяющимися друг друга незадачливыми ассистентами...

Звоницкий крутил руль «Паджера» и прикидывал, как вести завтрашний прием. Без помощника это будет трудновато... Но ничего, справился сегодня – справится и завтра. Одна операция назначена на четырнадцать ноль-ноль, а так ничего серьезного...

Глеб поймал себя на мысли, что превращается в трудоголика – надо же, постоянно думает о работе! Но клиника была его любимым детищем, так что это простительно. Волевым усилием он выкинул из головы мысли о работе и сосредоточился на сегодняшнем дне. Точнее, вечере.

Сегодня ожидалось то, чего в жизни Звоницкого давно уже не было, а именно праздник.

Бывший однокашник, Илья Стариков, пригласил на юбилей. Надо же, они не общались с институтских времен, а тут вдруг Илья Петрович вспомнил о бывшем друге... С чего бы это? Он ведь теперь никто, и взять с него нечего...

Поймав себя на мыслях из той, прошлой жизни, Глеб закусил губу. Скотина ты, Звоницкий! Так отвык от простого человеческого общения, что во всем ищешь подвох и скрытый смысл... а может, Стариков просто человек хороший и старых друзей не забывает! Однажды, еще студентами, они вместе везли в больницу мать Ильи, которой внезапно стало плохо, и Глеб бегал встречать «Скорую», потом скандалил в приемном покое, требуя, чтобы женщину не клали в коридоре, а отвезли в палату, и все-таки добился...

В общем, прием был назначен на восемь, и Звоницкий уже опаздывал. Квартира встретила его запахом вкусной еды и бодрым шумом телевизора. Он принялся – кажется, это блинчики...

Скинул ботинки и прошел на кухню. Домработница Варвара Михайловна орудовала у плиты. В белоснежном фартуке она напоминала Глебу хирурга-виртуоза: блестящие лопаточки так и мелькали, ножи, казалось, сами по себе, как по волшебству, шинковали овощи и пахло упоительно.

– Варвара Михайловна, уважаемая! – позвал Глеб.

Домработница обернулась и, прижав руку к необъятной груди, воскликнула:

– Ах! Вы меня напугали!

Ритуал повторялся изо дня в день с небольшими вариациями. Обе стороны очень его любили и отказываться от него ни в коем случае не собирались.

– Добрый вечер, уважаемая Варвара Михайловна! – церемонно поклонился Глеб.

– И вам вечер добрый, Глеб Аркадьевич!

Домработнице очень нравилось «аристократическое» имя хозяина, и она произносила его с нескрываемым удовольствием.

– Варвара Михайловна, рискуя показаться невежливым, осмелюсь напомнить, что я предупреждал вас о своих планах на сегодняшний вечер, – слегка насмешливо произнес Глеб. Ему нравилось поддерживать игру в «аристократа» – в конце концов, кому от этого хуже? А у него в жизни так мало развлечений...

– Планы? – изумилась домработница и сдвинула очки на лоб. – Какие планы?

Звоницкий вздохнул. Ну вот, забыла! Так и знал! Глеб Аркадьевич так редко уезжал из дома, что домработница и сегодня выполнила привычный ритуал – явилась, чтобы приготовить ему ужин и завтрак на утро...

Если сказать ей об этом, бедняга страшно сконфузится и расстроится. Нет, пожалуй, придется принять удар на себя...

– Тысяча извинений, Варвара Михайловна! – стукнул себя по лбу Глеб. – Я совершенно забыл предупредить вас. Дело в том, что именно сегодня я не ужинаю дома.

– Как?! – потрясенно переспросила домработница, как будто Звоницкий сообщил, что срочно улетает на Луну.

– Приглашен на прием, – виновато улыбнулся Глеб. – Юбилей старого друга.

Домработница слегка покраснела и расстроено оглядела блинчики, аппетитной стопкой покоившиеся на тарелке.

– А ваше волшебное блюдо я съем на завтрак, – поспешно проговорил Звоницкий. – Так что все в порядке.

– Но блинчики остынут! – возмущенно воскликнула Варвара Михайловна.

Глеб тяжело вздохнул. Домработницу он нашел через агентство два года назад. Тогда он был, мягко говоря, не в лучшей форме, не мог самостоятельно выполнять самые простые дела по хозяйству – к примеру, готовить он совершенно не умел, а убираться не мог, поскольку плохо видел. Тогда и появилась в его жизни добрейшая Варвара Михайловна.

Домработница – это было удобно. Работа занимала девяносто девять процентов жизни Звоницкого. Он до позднего вечера торчал в своей обожаемой клинике, и было необычайно приятно, придя домой, обнаружить вкусный ужин и чистую рубашку на завтра. Варвара Михайловна его более чем устраивала. Но иногда она начинала вести себя как заботливая тетушка. Обычно Глеб относился к этому с юмором, но сейчас едва не взвыл. Он и так уже опаздывал.

– Человек с двумя высшими образованиями найдет выход из любой ситуации. Я разогрею их в микроволновке, и они станут как новенькие. А сейчас мне пора, – произнес он, решительно накрыв стопку блинчиков тарелкой.

Глеб принял душ, по привычке стараясь не смотреть в зеркало. Собственная физиономия в шрамах оптимизма не прибавляла, и он научился бриться, глядя исключительно в глаза своему отражению. Зато после «того, что случилось», после нескольких операций и долгой реабилитации Глеб Аркадьевич здорово похудел и весил теперь столько же, сколько в молодости, чем втайне гордился. А с лысиной вообще решил вопрос радикально – в один прекрасный день пошел в парикмахерскую и побрился наголо. Правда, он сделался похож не то на Григория Котовского, не то на кого-то из советских маршалов – в те времена такие «прически» были в моде... ну и ладно! Зато удобно, не жарко и никаких проблем с прической.

В шкафу висел летний костюм – купленный два года назад, он так и остался новым, поскольку вся жизнь Звоницкого, не считая сна, проходила в синей хирургической форме с логотипом на спине. Логотип Глеб придумал сам: он изображал собаку с вытянутой для рукопожатия или, точнее, лапопожатия передней лапой.

– Глеб Аркадьевич, я ушла! До завтра! – донесся из прихожей голос домработницы, и тут же громко захлопнулась дверь.

Звоницкий поспешно засобирався.

Когда он вышел из подъезда, первые капли дождя уже упали на раскаленный асфальт. Привлакивая ногу, Глеб неловко забрался в пахнущее новой кожей нутро своей обожаемой машины. Уф, успел!

Выезжая со двора, он судорожно вспоминал, женат ли Илья Стариков. Подарок бывшему однокашнику Глеб купил уже давно – это был традиционный письменный прибор из уральского камня. Глупо, конечно, но что дарить человеку, у которого есть все? К пятидесяти годам люди обычно обзаводятся всем необходимым, так что подарки становятся чисто декоративными. Он помнил, что с первой супругой однокашник развелся уже давно, а вот обзавелся ли следующей, спросить не догадался. Может, все-таки заехать и купить цветы? А то неудобно...

Пока Глеб раздумывал над этой проблемой, дождь полил сплошной стеной. Он смутно видел габариты передней машины – это смешная красная малолитражка. Интересно, кому приходит в голову покупать такое? Стоит это чудо, между прочим, как нормальный автомобиль...

Звоницкий, отвлекшись, едва не пропустил момент, когда смешная машинка резко затормозила, и поспешно сам нажал на тормоз. Что там впереди? Неужели авария? Только этого не хватало! Дорога в этом месте была узкая, двухполосная, и не объедешь красную малышку...

Он немного подождал, затем, раздраженно сопя, с трудом выбрался из машины, раскрыл зеленый клетчатый зонт и решительно двинулся к месту происшествия.

На дороге лежала собака – красивый золотистый ретривер, совсем молодой. С первого взгляда Звоницкий понял, что собаку сбила машина.

Возле пса на корточках сидела девушка в красной курточке, такой же яркой, как и ее автомобиль. Глеб Аркадьевич стиснул зубы. Вот такие сначала покупают права, а потом калечат все живое вокруг...

– Ну, что у вас тут? – раздраженно произнес он, подходя ближе.

Девушка подняла лицо. Сначала Глебу показалось, что она плачет. Но нет, просто дождь. Зонта у незнакомки не было, и она держала над мордой пса прозрачную папку с какими-то документами.

Первое, что удивило Глеба, – папку девушка держала не над своей головой, а над собачьей. Второе – что девушка не была блондинкой. Невразумительного цвета волосы свисали сосульками вдоль бледного лица. И третьим были произнесенные ею слова:

– Ребра и позвоночник целы. Пневмоторакса нет. Думаю, обошлось без серьезных травм. Просто ушиб и шок. Джерри, Джерри, потерпи, хороший мой... У него тут на ошейнике бирка, – пояснила девушка и тут же возмущенно воскликнула: – Нет, ну какая скотина этот водитель! Сбил и даже не остановился – слинял с места происшествия! Думает, раз собака, а не человек, там и беспокоиться нечего!

– Так это не вы его... сбили? – уточнил Глеб.

– Да вы что! – возмутилась девушка. – Я всегда езжу аккуратно, как папа научил! Ни одной аварии за пять лет!

Маленькие руки профессионально и ловко прошли по телу собаки.

– Вы ветеринар? – зачем-то спросил Звоницкий.

– Ага, – тряхнула мокрыми волосами девушка. – В настоящее время безработный.

Очередь из автомобилей начала медленно закипать. Пронзительные сигналы слились в сплошную какофонию. Какой-то умник выехал на встречу, в результате чего едва не повстречался лоб в лоб с громадным междугородным автобусом. Теперь шоссе стало намертво – и уже в обе стороны.

Между тем ретривер начал как-то странно подергивать лапами, пес судорожно открывал пасть, глаза налились кровью, и по телу прошли волны судорог.

– Травматический стеноз гортани, – мгновенно сообразил Звоницкий. – Похоже, повреждения серьезнее, чем казалось.

– Черепно-мозговая? – девушка на мгновение подняла голову и взглянула на Глеба.

– Вероятно.

Звоницкий выругался вслух. Обычно он возил с собой набор инструментов для экстренной помощи, но именно сегодня оставил его в клинике. Он ведь собирался на юбилей, а не на экстренную операцию.

– Гляньте, как быстро развивается асфиксия! – ахнула девушка в красной куртке.

– Ну, минута у нас есть. Максимум – две, – быстро отозвался Глеб. – Но без инструментов я мало что могу сделать.

Девушка вдруг вскочила и бросилась к своей машинке.

– Я сейчас! – крикнула он.

Слинять, что ли, решила? Звоницкий закрыл зонт, освобождая руки – к счастью, дождь заметно утих, – а потом, кряхтя, опустился на корточки рядом с собакой. Ногу прострелила резкая боль, но Звоницкий привычно не обращал на нее внимания, прикидывая, что из под-

ручных материалов можно использовать для спасения жизни несчастной псины. Экстренная трахеотомия – единственное, что могло спасти Джерри.

– Вот, у меня все есть! – радостно сообщила незнакомка, опускаясь на колени в грязь рядом с Глебом. Девушка развернула на земле брезент и выложила на него початую бутылку джина «Бифитер», моток изолянта, гелевую ручку, складной нож и пару вилок.

Звоницкий удивленно вздернул брови, но времени на раздумья не было.

– Держите собаку! – велел Глеб Аркадьевич, и маленькие руки девушки запрокинули голову ретривера, а обтянутое джинсами колено уперлось в грудную клетку собаки. Судя по сосредоточенному спокойному лицу незнакомки, данная ситуация не казалась ей чем-то ужасным. Это значило, что Глеб может сосредоточиться на том, что делает. Именно для этого и существуют ассистенты, кстати...

Звоницкий развинтил гелевую ручку, раскрыл нож, зубами выдернул пробку из бутылки, щедро плеснул джина на лезвие и заодно себе на руки. Так, разрез необходимо сделать в области первых трахеальных колец – со второго по четвертое... Нож оказался отлично заточен – не скальпель, конечно, но куда лучше ожидаемого. И все-таки Звоницкий изрядно намучился, добираясь до трахеи собаки. Счастье еще, что у ретривера шерсть короткая. С помощью вилок развел края раны в стороны. Без специальных крючков и канюлей было страшно неудобно, но все-таки Звоницкий справился.

Так, а вот и трахея. Тут нужно осторожно... Разрез Глеб сделал снизу вверх, лезвие зажал в пальцах, чтобы не проткнуть трахею насквозь. Девушка крепко держала пса.

– Готовы? – спросил Глеб. Девушка молча кивнула. Мокрые волосы незнакомки прилипли ко лбу, губа закушена.

Звоницкий повернул лезвие ножа в ране. Воздух пошел в дыхательное горло собаки, и немедленно произошло вполне предсказуемое апноэ – остановка дыхания. Отлично, так и должно быть... теперь ждем... Джерри содрогнулся, резкий кашель вытолкнул из раны сгустки. Ну вот, теперь и гелевая ручка пригодится. Звоницкий ввел в трахею полую трубку. Великовата для некрупной собаки, но сойдет...

Когда воздух пошел в дыхательные пути ретривера, пес прекратил дергаться. Девушка зубами оторвала несколько полос изолянта и ловко закрепила трубку так, чтобы та не выпала из раны. Стянула края и щедро заклеила изолянтной.

Теперь собаку нужно было как можно скорее транспортировать в стационар. До больницы ретривер точно доедет, а там ему помогут.

– Уф, успели! – отдуваясь, незнакомка вскинула на Звоницкого восхищенный взгляд. – Я уж думала, все, кранты. Как вы трахеотомию провели... В грязи, всякой подручной фигней... Хай-класс!

– Спасибо, мне тоже понравилось работать с вами, – усмехнулся Глеб Аркадьевич и с трудом поднялся, опираясь на палку. Нога болела так, что соображал он с трудом. Ничего, в машине у него кеторол...

– Джерри, Джерри! – раздался женский крик. Под дождем к ним спешила молодая дама с зонтиком и поводком в руках. Увидев лежащего пса, дама ахнула и бросилась бежать, скользя и спотыкаясь.

– Что с Джерри?! – хозяйка пса не решалась прикоснуться к лежащей собаке. Тут женщина увидела трубку, торчащую из залепленного изоляцией горла.

Хозяйка пса в ужасе уставилась на своего питомца, потом заметила окровавленные руки Звоницкого и попятилась от странной парочки.

– Что... что вы сделали с моей собакой? – дрожащим голосом произнесла дама.

– Не бойтесь, самое страшное позади! – профессионально бодрым тоном сообщила девушка-ветеринар. – Кстати, не забудьте сказать спасибо этому мужчине! Он сделал вашему псу экстренную операцию. Без нее собака погибла бы от удушья.

Джерри приподнял голову и едва заметно махнул хвостом.

Автомобильная пробка исходила надрывным воем клаксонов. Некоторые особо ретивые еще и фарами мигали – выражали свое возмущение. Из «Гелендвагена» выбрался мужик впечатляющих габаритов в белой майке и, шагая враскачку, как моряк по палубе во время шторма, неторопливо двинулся к ним.

– Ну? – осведомился амбал, подходя вплотную. – Чё тут такое? Чё за карнавал, блин? Проехать когда можно будет?

Маленькие глазки под нависающим лбом делали автомобилиста точной копией неандертальца – ну совершенно как картинка из учебника по антропологии.

Звоницкий шагнул вперед и только собрался по-свойски пообщаться с амбалом, как вдруг девушка обратилась к «неандертальцу»:

– Ой, здорово, что вы подошли! Помогите нам, а? Надо собаку в клинику доставить. Представляете, какой-то упырь сбил его и даже не остановился! Скотина, правда?

Мужик покачал стриженной башкой и нагнулся над Джерри. Джерри завилял хвостом с удвоенной силой.

– Какой красавец! – мужик неожиданно расплылся в улыбке. – А у меня лабрадор. Тоже молодой. Что ж вы, хозяйка, его с поводка спустили? Тут же шоссе...

Пока дама с поводком сбивчиво оправдывалась, что она «только на минуту отвернулась, а он уже убежал», амбал присел на корточки и вместе с девушкой ловко переложил пса на кусок брезента. Джерри взвизгнул и виновато посмотрел на хозяйку. Пса отнесли с дороги и уложили под деревом.

– Хотите, я вас в ветеринарку отвезу на своей машине? – деловито предложила девушка хозяйке пса.

– Ой, нет, спасибо, за нами сейчас муж подъедет, мы тут рядом живем! – Хозяйка достала мобильный телефон и принялась объяснять мужу, где ее искать.

Девушка деловито отряхнула ладошки и весело сказала:

– Ну, все закончилось лучше, чем могло бы. Пора ехать, а то они там от нетерпения описаются.

Очередь выла и гудела.

– Эй, уроды! – амбал погрозил кому-то кулаком. – Хорош возбухать! Щас все поедете... Ну народ, блин! Две минуты подождать не могут.

– Девушка, девушка! – вслед им крикнула хозяйка собаки. – Скажите, как вас зовут?

– Яна! – крикнула любительница животных, не останавливаясь.

– Спасибо вам!

– Да ладно! – махнула рукой Яна, забираясь в свою малолитражку. – Вы за собакой лучше смотрите и не гуляйте вдоль шоссе. Счастливо!

Хозяйка ретривера наконец-то повернулась к Звоницкому.

– Ой, я так вам благодарна! Если вы подождете, то через пять минут подъедет мой муж...

– Зачем мне ваш муж? – холодно спросил Звоницкий, мечтая только об одном – дойти до машины и проглотить таблетку обезболивающего.

– Ну как же, – смутилась дама, – мы же должны вас отблагодарить...

– Вы меня уже поблагодарили, – усмехнулся Глеб Аркадьевич. – Словами. А если вы про деньги, то это лишнее. Вы же не просили меня оказывать услуги ветеринара, а за экстренную помощь я денег не возьму. Так что всего хорошего, а я спешу. Постарайтесь как можно быстрее доставить собаку в хорошую клинику, пусть сделают томографию – черепно-мозговая травма точно есть, а насколько все серьезно, покажет обследование. Да, еще одно... Укройте пса потеплее. В одеяло закутайте, что ли. Все, удачи!

Звоницкий захромал к своей машине. Пока шел, наблюдал за маневрами владелицы помидорно-красной малолитражки.

Девушка завела мотор и принялась выруливать, стараясь объехать болвана, застрявшего на встрече. Звоницкий подошел к «Паджеро», достал из бардачка упаковку влажных салфеток и принялся оттирать руки. Потом глотнул воды из бутылки, запивая таблетку обезболивающего. Минут через пятнадцать Глеб наконец-то сможет забыть о проклятом колене. Но эта девушка... Эта девушка... Нет, нельзя позволить ей просто взять и уехать. Глеб никогда себе этого не простит.

Яна действительно водила аккуратно – она умудрилась выбраться из безнадежного на первый взгляд автомобильного «тетриса» без единой царапины. Помигав фарами, девушка пропустила перед собой торопыгу со встречи. Виновато посигналив, тот сумел наконец развернуться и умчался вдаль. Теперь шоссе было свободно.

Звоницкий наклонился к открытому окну красной машинки. Девушка глядела на него с вежливым интересом. Глеб протянул ей свою визитку.

– Вот, возьмите, Яна. Если захотите, наберите мой номер.

– Не пойму что-то... Вы меня клеите?! – фыркнула девушка.

Звоницкий засмеялся:

– Ну, в некотором роде. Но это не то, что вы думаете. Я владелец ветеринарной клиники, как раз сейчас ищу ассистента. Надумаете – звоните.

Яна помигала фарами и сорвалась с места. Звоницкий поехал за ней, но на первом же повороте девушка свернула с шоссе, и он потерял ее из виду.

Милая девочка. Как лихо она ассистировала во время операции! Надо же, возит в машине брезент «на всякий случай»... А то, чем Глеб провел трахеотомию, было, судя по всему, набором для пикника... В форс-мажорной ситуации девочка сориентировалась на удивление быстро. Ассистент она хороший.

И умеет с первого взгляда располагать к себе людей... Да, такая помощница ему бы подошла. И машину водит классно...

Жаль только, что бедняжка так некрасива... Честно говоря, Глеб Аркадьевич за свои почти что полвека ни разу не встречал такой... страшненькой девушки.

Он повозился, устраивая поудобнее ноющую ногу, и, выбросив из головы мысли о девушке-ветеринаре, поехал к Старикову. Он и так безнадежно опаздывал.

Глава 2

Дождь кончился в тот момент, когда Звоницкий въезжал в ворота загородного дома Ильи Старикова. По случаю внезапного дождя прием был перенесен под крышу – и явно в последний момент. На лужайке перед домом мокли изящные кованые столы и стулья, а гости толпились в помещении – через «французские», во всю стену, стеклянные окна было видно, что народу собралось порядочно.

Глеб поставил машину на стоянку и по дорожке, выложенной испанской плиткой, прошел к дому. Лекарство подействовало, и Звоницкий почти не хромал. Да, адвокат Стариков явно не бедствовал. Дом был выстроен с размахом. Неужели Илья живет здесь совсем один?

Ответ на этот вопрос он получил очень быстро – едва переступил порог дома Старикова. Большая комната на первом этаже была полна фланирующих гостей – большинство держали в руках фужеры с шампанским, которое разносили на подносах официанты. Пахло цветами и духами – еще бы, когда в закрытом помещении собирается два десятка дам... Илья Петрович спешил навстречу запоздавшему гостю, широко улыбаясь и сверкая хитрыми черными глазами, белоснежным воротом рубашки и такими же белоснежными зубами.

По обе стороны от адвоката выступали две молодые красавицы – блондинка в длинном платье цвета морской волны и брюнетка в сиреневом коктейльном платье. Женщины выглядели ровесницами – лет двадцати пяти на вид. Звоницкий вспомнил, что так и не удосужился купить цветы. Фу, до чего же неудобно...

Но адвокат вывел Глеба из неловкого положения, тихо и весело сказав:

– О, хоть один нормальный мужик нашелся – без «веника» приехал! А то я себя чувствую как на собственных похоронах – кругом букеты... Ну, здорово, разбойник!

– Здравствуй, Старик! – Глеб пожал протянутую руку, с облегчением прогоняя чувство неловкости. Нет, похоже, Илья не зазнался, не «забронзовел», остался все таким же компанейским и веселым, как в студенческие далекие времена... Прозвище «Старик» выскочило само собой – Глеб не вспоминал его лет двадцать, не меньше, но адвокат только улыбнулся еще шире – похоже, и ему было приятно хоть на минуту окунуться в атмосферу юности. Глеб умел чувствовать фальшь – но, кажется, Стариков был искренне рад однокашнику.

Между тем Илья Петрович приобнял за талии обеих красавиц и произнес:

– Девочки, познакомьтесь. Это мой старинный друг и приятель Глеб Аркадьевич Звоницкий. А это моя супружница, Ирина Витальевна, Ирочка, утешение моей старости.

Блондинка протянула руку, и Глеб слегка сжал узкую нежную ладонь.

– А это Арина Ильинична, дочурка моя. Ты ведь ее помнишь, Глеб?

Звоницкий поспешно вернул на место взлетевшие вверх брови. Своих детей он не имел и как-то упустил из виду, что дочери его старых друзей могут быть такими... такими... в общем, очень взрослыми.

Рукопожатие брюнетки оказалось по-мужски энергичным – не то что вялая ладошка ее мачехи.

– Я тоже отлично помню Глеба Аркадьевича, – тряхнула вьющимися черными кудрями дочка Старикова. – Он мне чупа-чупсы привозил, а однажды вылечил лапку моему котенку. Помните, Глеб Аркадьевич?

Звоницкий сглотнул. Дочка Ильи осталась в его памяти тощим семилетним ребенком с разбитыми коленками. Котенка он помнил значительно лучше. А сейчас насмешливый взгляд красавицы был уж чересчур... женским. На старых друзей папочки так смотреть не принято.

– Вот они какие, мои девочки! – засмеялся Стариков. – Утешение на старости лет... Слушай, Глебушка, ты не стесняйся, будь как дома. Я хочу у тебя консультацию получить по одному важному делу. А пока выпей слегка, сбрось напряжение. Что-то ты какой-то гру-

жёный... Вот, Ариша составит тебе компанию, чтобы не скучал. – И Стариков поспешил навстречу очередному запоздавшему из-за дождя гостю, обнимая за талию супругу.

Старый друг, как Звоницкий и подозревал, оказался не так прост. «Консультацию получить» ему надо, видите ли... Значит, Глеб не ошибся и адвокат пригласил однокашника не просто так, а с каким-то умыслом... Интересно, что ему надо?

– А вы действительно тот самый Глеб Аркадьевич Звоницкий? – беззастенчиво поинтересовалась Арина, сверкая черными глазами. Они были удивительные – с какими-то золотистыми искрами на радужке.

– Что значит – «тот самый»? – осторожно поинтересовался Глеб.

– Ну, тот, который едва не погиб при теракте?

– Тот самый, – сухо ответил он. Ему совершенно не хотелось обсуждать подробности своей жизни с кем бы то ни было, особенно с этой красоткой. – Скажите, Арина, а кто вы по профессии?

– Угадайте! – кокетливо повела плечиком девушка.

– Легко! – развеселился Звоницкий. – Сейчас, сейчас... Вы – журналистка! Работаете в газете с небольшим тиражом. Пишете о культурно значимых событиях города.

На лице девушки появилось выражение изумления, что вовсе не испортило красоты мадемуазель Стариковой.

– Откуда вы узнали?! Это вам папа сказал?

– Уверю вас, Арина, я и не подозревал о вашем существовании до сегодняшнего дня, – усмехнулся Глеб. – То есть подозревал, конечно... вашего кота я помню. А вот вы в моей памяти остались первоклассницей, уж извините старика...

– Ну какой же вы старик! – приняла подачу девушка. – Вы ведь моложе папы! А выглядите... замечательно. Ни за что не скажешь, что вам пришлось пережить такое!

Звоницкий пораился бестактности красавицы. Вот уже второй раз она затрагивает неприятную для него тему! Интересно, это у нее профессиональная черта – отсутствие сочувствия к людям? Или она просто по жизни такая... жесткая?

– Я постарался, – довольно сухо ответил он, – и пережить, и забыть. И давайте не будем сегодня вспоминать об этом – ведь у вас праздник.

Девушка слегка смутилась – но только на мгновение. Быстро подхватила Звоницкого под руку и повлекла к гостям.

– Нет, ну признайтесь, как вы узнали, кем я работаю? – продолжала она допытываться на ходу.

Глеб усмехнулся. Иногда он и впрямь поражал окружающих неожиданными догадками. То есть неожиданными они выглядели только со стороны...

– Пусть это останется моим секретом, – сказал он и потянулся к тарелке с бутербродами с семгой. Все-таки он не успел поесть после работы и теперь был ужасно голоден. Но главной целью было переключить внимание девушки на что-нибудь другое. Глеб Аркадьевич совершенно не собирался весь вечер служить игрушкой для избалованной девушки. Арине не оставалось ничего другого, как выпустить его руку.

Мадемуазель Старикова какое-то время понаблюдала за Глебом, который мирно поедал тарталетки с икрой, потом фыркнула, повела плечиком и исчезла в толпе гостей.

А Звоницкий углядел еще двоих бывших однокашников и приветливо помахал им. О, наши люди! Теперь не придется скучать в компании незнакомых мужчин и женщин – сам юбиляр слишком занят, чтобы уделить время другу... Юристы подошли ближе, и вечер получился куда более интересным, чем предполагал Глеб. В приятных воспоминаниях время летело быстро, и вот уже гости стали прощаться и разъезжаться по домам.

Выждав, пока основная часть приглашенных разъедется – он плохо переносил скопление народа, – Глеб оставил свой подарок на мраморном столике и тоже поспешил к двери.

Что ж, приятно было повидаться... И надо бы почаще «выходить в свет» – ну, попросту выбираться куда-нибудь. А впрочем, ему и так неплохо живется. Что там у него завтра? Операция назначена на два... Придется управляться самому, но ничего, справится... А забавная девушка встретила ему сегодня под дождем...

Неожиданно Глеба окликнул Стариков:

– Эй, разбойник, куда это ты собрался? Сбежать решил, а?

– Да нет, просто поздно уже... Все разъехались. Спасибо тебе, Старик, вечер получился приятный. И дом у тебя выше всяких похвал...

– Э-э, от меня так просто не уйдешь! – хлопнул его по плечу адвокат. – Мы с тобой еще не закончили, дружище. Помнишь, я сказал, что мне нужно с тобой поговорить?

– Помню, – кивнул Звоницкий. – Тебе что, нужны услуги ветеринара?

– Не-ет! – захохотал Илья, сверкая искусственными зубами. – У меня два домашних зверька – жена и дочка. Но тут я и сам справлюсь. Хотя их содержание – дело дорогостоящее, понимаешь? Особенно Ариша не дает скучать... Сейчас она подросла, а вот пару лет назад такие фортеля выкидывала! Хорошо тебе – ты один, свободен как ветер...

– Да, – усмехнулся Глеб, – мне хорошо, я сирота... Это один мальчик так говорил, из книжки великого еврейского писателя Шолом-Алейхема. Так о чем ты хотел со мной побеседовать?

Илья повел Глеба по длинному коридору. В доме было темно и тихо, и не верилось, что еще полчаса назад он был полон гостей, играла музыка, звучали тосты за здоровье юбиляра. Навстречу им попала Ирина – супруга Ильи.

Блондинка открыла было рот, собираясь что-то спросить, но супруг не дал ей такой возможности.

– Зайка, потеряйся где-нибудь, – довольно жестко проговорил он. – Иди найди себе какое-нибудь занятие или просто вздремни. Нам с Глебушкой надо поговорить о важном.

Блондинка дернула уголок рта, опустила глаза и поспешила прочь по коридору.

– Глупа как инфузория, – пожаловался адвокат, – но исключительно красива! Я ее с подиума снял, совсем молоденькой. Пока испортить не успели. После моей Татьяны мне все равно какая, лишь бы поглупее и попроще... Ладно, это к делу не относится. Ты сам-то как, не обзавелся еще новой подругой жизни?

– Не обзавелся, – коротко ответил Глеб. Все-таки они с Илей слишком долго не виделись, чтобы вот так, с места в карьер, начать откровенничать.

– Ну, какие твои годы... – как-то неопределенно пробормотал адвокат. – Заходи!

Он распахнул дверь, и свет автоматически зажегся. Это была библиотека – с ровными рядами нечитанных книг, с удобными креслами. Стариков с размаху плюхнулся в одно и приглашающим жестом указал гостю на другое. Звоницкий уселся, гадая, что же могло понадобиться от него бывшему другу, преуспевающему адвокату.

– Ты когда-нибудь слышал про такую юридическую контору – «Томкинс и сыновья»? – поинтересовался Стариков.

Звоницкий отрицательно качнул головой.

– Так я и думал! – почему-то торжествующе воскликнул адвокат. – Это старинная британская фирма. До того британская, что аж зубы ломит. И до того старинная... короче, со времен Чарльза Диккенса их офис помещается в Лондоне. Этот Томкинс даже знал самого писателя – тот у него мелким клерком подрабатывал... Но это к делу не относится. Главное, что фирма старинная, проверенная, с отличной деловой репутацией.

Илья Петрович отвлекся, взял со стола ящичек с сигарами, предложил гостю, но тот вежливо отказался. Стариков взял серебряную гильотинку, отрезал кончик сигары и прикурил, вкусно чмокая и пуская ароматный дым. Глеб вообще успел заметить, что с годами Илюша

превратился в ценителя радостей жизни. Еда у него вкусная, спиртное первоклассное, сигары дорогие. Жена – бывшая манекенщица...

– Конечно, никакого Томкинса там давно уже нет, – хмыкнул адвокат, – и сыновья его давно уже в могиле, и даже внуки-правнуки успели состариться. Фирму вместе с названием выкупили другие люди... но дела ведут отлично и репутацией дорожат. Я к чему это тебе говорю?

– Да, к чему? – вставил Глеб, украдкой бросая взгляд на часы.

– К тому, чтобы ты понял: это не какая-нибудь контора «Сявкин и дети», которая позавчера открылась и завтра закроется. Это солидные люди!

– Да, я понял. «Томкинс и сыновья» – классические британские юристы с отличной репутацией. А ты тут при чем? Тебя что, на работу туда пригласили? – не удержался и подпустил шпильку Глеб.

– Нет, что ты, зачем я им сдался? – усмехнулся Илья. – У них своих законников как тараканов... Но в какой-то степени ты прав. Всегда удивлялся, как это ты ухитряешься угадывать... «Томкинсы» эти занимаются делами о наследстве. В их сейфах на Бобкин-стрит, или где они там находятся, хранятся десятки завещаний. Долгие годы мирно покоятся в сейфах юридической конторы. А когда настает времечко, они их – бац! И вынимают на белый свет. И вот недавно одно такое завещание всплыло, так сказать, со дна. Хранилось оно в сейфе ровнехонько восемьдесят лет. Старушка – «божий одуванчик» составила его в одна тысяча девятьсот тридцать пятом году, в возрасте двадцати двух лет, сразу как овдовела.

– Погоди, – наморщил лоб Звоницкий. – Так какого она года рождения, эта твоя старушка?

– Одна тысяча девятьсот тринадцатого! – с гордостью сообщил адвокат.

– А почему... почему завещание вскрыли только сейчас? – удивился Глеб.

– А-а! – поднял палец адвокат. – Вот за что я тебя люблю, Глеб, ты сразу глядишь в корень. Пока другой бы путался, ты сразу просек. Именно в этом все и дело. Потому что вскрывать завещание раньше не было необходимости. Старушка померла три месяца назад в городе Лондоне в возрасте ста двух лет. Естественно, вскрыли завещание... И вот тут наследников ждал сюрприз! – Он злорадно захихикал и даже потер руки, зажав зубами сигару. – Собственно, наследников первой очереди там не наблюдается, так, седьмая вода на киселе... Большую часть старушка отписала на благотворительность. Но состояние там такое... в общем, на все хватит. И вот громадный кусок этого состояния унаследовал... кот.

– Извини?! – Глеб подался вперед – ему показалось, что он ослышался.

Стариков откинулся на спинку кресла, наслаждаясь произведенным эффектом.

– Кот, говорю. Жирный такой котяра.

Звоницкий задумался. Он слышал о таких казусах. Любимым животным оставляли состояния и даже заводы. Одна британка вообще вышла замуж за двух своих котов и даже ухитрилась как-то юридически это оформить...

– Ну, рад за кота, – усмехнулся он. – И что дальше?

Стариков отложил сигару и очень серьезно произнес:

– Дело в том, Глебушка, что мы с этим котом теперь не чужие. Проживает эта животиная здесь, в нашем городе. «Томкинс и сыновья» прислали своего поверенного, чтобы тот удостоверил подлинность животного. Что и было сделано. Теперь британцы отбыли в свой туманный Альбион, а вашего покорного слугу, – шутливо поклонился адвокат, – оставили на непыльной должности. Я буду вести дела фонда «Феликс» на территории Российской Федерации.

Звоницкий с минуту посидел, переваривая услышанное. Наконец спросил:

– Что это еще за фонд «Феликс»?

– Феликсом зовут котяру, – пояснил Стариков. – Кличка по-латыни означает «счастливый». Учитывая обстоятельства и то, каким местом к животине повернулась фортуна, имечко ему выбрали правильно...

– Ну поздравляю! – пожал плечами Глеб. – А при чем тут я? Нужно осмотреть кота?

– Да нет же! – отмахнулся Илья. – Кота уже рассмотрели, его подлинность удостоверена юристом из «Томкинс и сыновья». Он даже ветеринара привез с собой! Как будто наши ему нехороши... Кот тот самый, правильный...

– Что значит – тот самый?

– А то и значит. Феликс, порода сибирская, раньше принадлежал сестре покойной. Та тоже недавно скорострительно скончалась.

– Слушай! – вскинулся Звоницкий. – Что это за эпидемия вокруг кота – одна старушка умерла, за ней другая... ты подозреваешь, что дело нечисто?

– Да нет! Одной старушке было аж сто лет, другой вообще сто два года... Что здесь может быть нечисто?!

Глеб придвинул кресло поближе. Он уже понял, что домой сегодня попадет в лучшем случае к утру, так что стоит провести время с пользой. К тому же история с котом его действительно заинтересовала.

– Что, зацепило? – блестя глазами, поинтересовался Стариков.

– Давай, не томи. Изложи подробности.

– Слушай, может, кофе? – оживился адвокат. – Все равно у меня бессонница...

Пожилая дама в кружевном переднике принесла им кофейник на серебряном подносе, чашки, тростниковый сахар и еще какие-то восточные сладости – рахат-лукум, что ли. Стариков подождал, пока она покинет библиотеку, отхлебнул ароматной темной жидкости и начал рассказывать...

Баронесса Александра Фелициановна Баух, урожденная Срезневская, происходила из старинного, но небогатого рода. Ее отец был потомственным военным, генералом белой армии. У него было две дочери – Александра, старшая, и Лидия, младшая. Сашенька Срезневская как раз начала брать уроки балета, когда грянула революция.

Разумеется, генерал отправился воевать против красных и вместе с остатками отступающей белой армии оказался за границей. Сначала Харбин, потом Париж... Генерал делал все возможное, чтобы вырвать из большевистского плена семью. Наконец, уже в 1921 году, ему это удалось. Доверенный человек привез семье генерала, которая бедствовала в Петрограде, денег на дорогу. Он должен был сопроводить обеих девочек, их мать и няньку в Чехию, а оттуда в Париж. Но в ночь перед отъездом младшая девочка заболела тифом, а от нее заразилась и мать. Везти их, лежащих в жару, за границу было подобно убийству. Но доверенный человек не мог ждать – его в любую минуту могли схватить.

И тогда жена генерала приняла решение: пусть доверенный вывезет хотя бы Сашеньку. И оставит денег на дорогу. А уж когда больные, бог даст, выздоровеют, они присоединятся к родным. Вот так получилось, что Александра Срезневская, неполных девяти лет от роду, оказалась в Париже.

Своих родных она больше не видела никогда.

Позднее стало известно, что мать в ту же ночь умерла. Не желая рисковать ради дочери классового врага, нянька прихватила деньги и исчезла, а шестилетнюю Лидию сдала в детприемник.

Между тем генерал Срезневский вместе с дочерью перебрался за океан. В поисках счастья, разумеется... Разбогатеть ему не удалось, зато Сашенька вытащила счастливый билет – в нее влюбился Соломон Баух, потомок эмигрантов из России.

Соломон был ростом Сашеньке по плечо, на десять лет старше, но зато его папаша страшно разбогател в Америке, продавая автомобильные шины. Шинные заводы «Баух и ком-

пания» снабжали «обувкой» половину автомобилей огромной страны, и, поскольку количество машин во всем мире с каждым годом увеличивалось, состояние семьи Баух росло по экспоненте.

Сашенька была девушкой практичной. Она хорошо помнила небогатое детство в Париже, то, как отцу приходилось работать таксистом, поскольку, кроме войны, он делать ровным счетом ничего не умел... Получив предложение от носатого, вечно сопящего Соломона, двадцатилетняя Сашенька проплакала всего одну ночь, а наутро приняла взвешенное решение – она ответила «да» на предложение руки и сердца. В первую очередь девушка думала об отце.

Сашеньке не пришлось пожалеть о своем решении. Супруг души в ней не чаял и носил бы на руках, если бы не разница в росте. Соломон оказался милейшим, деликатнейшим человеком, и вскоре Сашенька к нему привязалась. Вот только детей у них не было.

Именно по этой причине Александра Баух, урожденная Срезневская, и унаследовала миллионы семьи Баух. Но не сразу.

Сначала умер генерал Срезневский. Он давно отчаялся найти младшую дочь, а о судьбе жены так и не узнал. Сашенька горько плакала, но самое большое горе было еще впереди. Начиналась Великая депрессия.

В 1933 году Соломон Баух, который давно уже стоял во главе семейного бизнеса, был вынужден подавить бунт – рабочие одного из его предприятий вышли на «голодный марш». Отчаявшиеся демонстранты были готовы на все, на улицах запылали костры... Полиции пришлось применить силу. Несколько десятков демонстрантов были застрелены стражами порядка, сотни ранено. Среди убитых были и дети.

В ту же ночь Соломон Баух застрелился.

Двадцатилетняя Сашенька осталась вдовой. Молодая женщина не впала в отчаяние – слишком многое ей пришлось пережить в детстве. Она наняла толковых управляющих, обзавелась знающими юристами и создала на своих заводах что-то вроде внутренней полиции. С тех пор мысли о бунтах начисто исчезли из головы ее рабочих. Лучше жить им не стало, но костров на улицах с тех пор не видали.

К концу Великой депрессии, то есть к началу Второй мировой войны, Александра Баух удвоила состояние мужа. А во время войны оно продолжало увеличиваться – шины для военных автомобилей входили в оборонные заказы и были поистине «золотыми». Война позволила Америке восстановиться после депрессии, а Александре – разыскать наконец потерянную сестру.

Шел 1945 год. Тридцатилетняя Лидия Ковалева, урожденная Срезневская, жила в эвакуации в Саратове. Она попала в провинциальный город на Волге вместе с заводом, на котором трудилась чертежницей. Завод был оборонным, поэтому его вывезли из Ленинграда вместе со всем персоналом еще до начала блокады. Так что Лидии повезло. Перед войной она вышла замуж за Пашу Ковалева, гармониста и матершинника. Паша сгинул на фронте, пропал без вести. От него Лидии в наследство остались гармонь и его младшая сестренка Уляша.

Причина, по которой Александра смогла разыскать сестру, была проста: нянька, та самая, что сдала маленькую Лиду в детский дом, собралась помирать. Но грех на совести не давал ей спокойно преставиться, и нянька написала покаянное письмо. Дело в том, что еще перед войной к ней приходил нанятый Александрой юрист, но нянька, испугавшись, что иностранная богачка потребует ответа, наплела, что знать не знает о судьбе Лидочки. Померла, наверное, от тифа, как мамаша ее, царствие небесное... А тут нянька созналась в давнем преступлении и даже приложила к письму фамильную брошь Срезневских, которую все эти годы прятала на своей необъятной груди. Продать брошь она не решалась – вдруг заметут?! Так что брошь подтверждала подлинность рассказа.

Поверенный Александры разыскал Лидию. Но женщина, выросшая в советском детдоме, почти не помнила сестру. Зато, как и все ее соотечественники, очень боялась вездесущего

НКВД, за агента которой и приняла юриста. Лидия в страхе отказалась от знакомства с сестрой-иностранкой, заявив, что ноги ее не будет за границей. Сама госпожа Баух приехать в Советский Союз не могла – времена были не те. Миллионершу, поднявшуюся на военных заказах, вряд ли встретили бы с распростертыми объятиями...

Александра прожила всю жизнь за границей. После войны она обосновалась в Париже – этот город она любила со времен детства и юности. Замуж госпожа Баух так и не вышла – осталась верна памяти своего Соломоши. Жизнь Александра Фелициановна вела яркую, интересную. Общалась с художниками, писателями, в общем, с богемой, покровительствовала какому-то юному поэту с Монмартра... Любила водить автомобиль на высоких скоростях, держала скаковых лошадей и даже выучилась водить самолет – маленькую двухмоторную «Сессну», причем уже в преклонном возрасте. Всю жизнь занималась благотворительностью, на старости лет приобрела поместье с титулом и сделалась баронессой Баух. Вот бы Соломоша удивился...

Наконец Советский Союз прекратил свое существование. И Александра вновь написала сестре, предлагая встретиться. Теперь Лидии некого было бояться – КГБ был далеко не самым страшным на просторах родины.

Но вмешался другой фактор – время.

Александре Фелициановне было семьдесят восемь. Катаясь верхом, она сломала бедро и теперь передвигалась в специальном кресле на колесах. О том, чтобы лететь в Россию, не могло быть и речи.

Лидия была моложе. Но в свои семьдесят пять она, в отличие от ухоженной и жизнерадостной сестры, выглядела старухой. К тому же Лидия Ковалева была опорой большой и безалаберной семьи. Та самая Уляша, сестра ее покойного мужа, давно выросла и обзавелась собственным потомством. Родив очередное чадо, Уляша скидывала его бездетной тетке и отправлялась на поиски новых приключений – то ехала осваивать целину, то БАМ строить. Из поездок традиционно привозила большой живот, а родив, тут же покидала родные края. Лидия воспитывала четверых племянников и не могла надолго уехать.

Сестры вели переписку – подробно сообщали друг другу, что у них сегодня на обед, как болит спина к непогоде, обменивались воспоминаниями далекого детства... В общем, на протяжении последней четверти века сестры Срезневские снова стали близкими людьми. Баронесса Баух посылала сестре деньги, но Лидия отнекивалась, говорила, что у нее есть все необходимое.

Столетний рубеж обе сестры пересекли в здравом уме и твердой памяти. Старшая даже не стала переписывать старое, составленное в тридцать пятом году завещание, по которому, за вычетом громадных сумм на благотворительность, все ее состояние переходило к сестре. Баронесса в то время еще не знала, жива ли Лидочка, но в ее распоряжении были все юристы мира, и она была уверена: младшую будут искать и после возможной смерти самой баронессы, ведь она почти на три года младше!

Но случилось так, что в прошлом году столетняя Лидия умерла. На баронессу смерть сестры подействовала ужасно – старуха заперлась в своей комнате, никого не хотела видеть и целыми днями сидела в своем кресле у окна, выходявшего на бульвар Распай.

Баронесса Баух скончалась в возрасте ста двух лет в Париже и была похоронена на Сент-Женевьев-де Буа среди других эмигрантов.

Когда вскрыли ее завещание, приключился скандал. В день оглашения документа в контору «Томкинсы» явился молодой человек сомнительного вида и представил завещание баронессы, датированное неделей до смерти.

«Томкинсы» оскорбились страшно. Они вели дела баронессы с тридцатых годов, а тут является какой-то прощелыга и заявляет, что именно его сомнительную юридическую фирму баронесса Баух удостоила своим вниманием, чтобы выразить последнюю волю!

Томкинсы принялись рыть землю носом, но все оказалось в полном ажуре. Документ проверяли всеми возможными способами, просвечивали сканерами и инфракрасными лучами... Все было бесполезно. К тому же подлинность документа подтвердили горничная и шофер, выступавшие свидетелями при составлении завещания, а также доктор, который присутствовал, дабы подтвердить вменяемость старой дамы.

Нотариально заверенная бумага отменяла предыдущее завещание – состояние семьи Баух переходило к коту! В общем-то, Томкинсам было все равно... если бы не приписка. Баронесса поручала именно им, фирме с солидной репутацией, проследить за соблюдением ее последней воли.

Вот так и получилось, что в Россию отправился поверенный конторы «Томкинс и сыновья», а адвокат Илья Стариков был втянут в эту историю...

Рассказывать Стариков умел и любил. Звоницкий даже заслушался, увлекшись перипетиями биографии баронессы Баух.

– Послушай, – наконец спросил он, хлебнув безнадежно остывшего кофе, – но при чем тут кот?! Почему она просто не завещала свое состояние каким-нибудь сироткам? Или фонду борьбы со СПИДом?

– О-о, это отдельная история! – хмыкнул адвокат.

Когда в девяностых между сестрами Срезневскими завязалась переписка, у них было мало общего. Еще бы, одна – миллионерша, баронесса, любительница экстрима и меценат. Другая всю жизнь проработала на заводе, стирала, варила, растила многочисленных племянников и ни разу в жизни не была не то что за границей – в самом паршивом санатории.

Но у Срезневских были общие воспоминания – о детстве, проведенном в собственном доме на Морской. К примеру, у девочек был кот, которого они очень любили.

За год до смерти Лидия Фелициановна завела кота – и сестры сошлись на том, что это точная копия незабвенного Мурзилки.

Кота называли Феликсом, и его проказы и состояние здоровья составляли предмет переписки сестер довольно долго.

Вот этому котяре и достались миллионы баронессы Баух...

Адвокат закончил свой рассказ и с непонятым выражением посмотрел на Глеба Аркадьевича.

– Что? – вздернул тот брови. – Не пойму я что-то, Илья... История, конечно, интересная... Но зачем ты мне ее рассказал, а?

– Понимаешь, Глебушка, – замявшись, нерешительно произнес адвокат, – в этой истории мне что-то не нравится.

– Что именно?

– Если б я знал! – тоскливо вздохнул Стариков. – Но, понимаешь, у старых законников с годами вырабатывается такой... нюх на неприятности. Это невозможно объяснить... Но весь мой опыт, интуиция, все прямо-таки вопит: дело нечисто! Здесь *воняет*. Воняет преступлением...

Звоницкий кивнул. Он прекрасно понимал, о чем говорит Илья.

– А доказательства?

– Да какие доказательства... – досадливо поморщился адвокат. – Даже не знаю, что именно в этой истории не так... но обязательно выясню. Не люблю, когда из меня делают Петрушку, понимаешь? А именно это и происходит. Казалось бы, непыльная работенка – сиди стриги купоны... Но нет, не могу. И то, что юристы из «Томкинс и сыновья» не нашли ничего подозрительного, вовсе не значит, что все в порядке. Это британских болванов можно обвести вокруг пальца, а меня, адвоката с двадцатипятилетним стажем, лучше даже не пробовать...

– Чем я могу тебе помочь? – спросил Звоницкий. – Только учти, у меня клиника, так что много времени я тебе уделить не смогу. Но чем могу – помогу. По старой дружбе...

Стариков хлопнул Глеба по плечу и оскалил в улыбке белоснежные фарфоровые зубы:

– Я знал, что на тебя можно положиться! Значит, давай так. Мне нужно поближе подобраться к этой семейке...

– К какой семейке? – удивился Глеб.

– Ну как же, я ведь тебе не сказал главного! – хлопнул себя по лбу Стариков. – До меня дошли слухи, что эти племяннички Лидии собираются подать иск – хотят опротестовать завещание. Дескать, баронесса была в глубоком маразме, когда его составляла. Если докажут, вступит в силу старое завещание госпожи Баух. Это значит, все деньги получают наследники Лидии – а именно ее племянники, поскольку других родственников у нее нет. А состояние баронессы, на минуточку, – двадцать миллионов долларов.

– Да, есть ради чего беспокоиться... – не удержавшись, присвистнул Глеб.

– Так вот, племяннички спят и видят, как подобраться к состоянию. Но руки у них коротки! Они бы придушили кота, если бы могли, но проблема в том, что его смерть им ничего не даст. Ведь коту они не наследники! Если с животиной что-нибудь случится, все деньги уйдут на благотворительность. – Стариков вздохнул: – Со мной они общаться не желают – я ведь им вроде бы враг, играю на стороне «Томкинсов», – а вот тебя они принять будут обязаны. Я внес тебя в документы как ветеринарного врача нашего фонда. Извини, что не спросил твоего согласия... Но я был уверен, что ты меня не бросишь в трудной ситуации, верно, старичок? – слегка виновато добавил он.

Звоницкий поморщился – в народе такую ситуацию называют «без меня меня женили»... Надо же, Стариков был уверен, что он ему не откажет...

– Хорошо! – Глеб Аркадьевич хлопнул себя по колену и поднялся, тяжело опираясь на спинку кресла. – Когда ты планируешь нанести визит наследникам?

– Да вот прямо завтра и поедем! – оживился Стариков. – Утром я им позвоню и договорюсь о встрече... Отказать они мне не могут – я же представитель фонда «Феликс». И перезвоню тебе. Ты свободен завтра, надеюсь?

– Да уж придется ради тебя выкроить часок в моем плотном расписании! – хрюкнул Звоницкий. – Чего не сделаешь ради старых друзей... Ладно, я поеду.

– Ты что, приятель, оставайся ночевать! – радушно предложил Илья.

Глеб представил себе дорогу до дома – поездку по плохо освещенному шоссе, подумал и согласился.

Постелили ему в одной из гостевых спален. Он растянулся на прохладных простынях, закрыл глаза и провалился в сон.

Сны ветеринару снились нехорошие. Там фигурировали коты – почему-то на задних лапах, в цилиндрах и с сигарами. Еще Глебу снился огонь. Собственно, это был привычный кошмар – с того самого дня, когда рядом с ним взорвалась машина, начиненная гексогеном. Он знал, что кошмары эти ничего не означают, просто переутомленный мозг выдает эти яркие шокирующие образы в ответ на раздражители долгого утомительного дня.

Пробуждение оказалось еще кошмарнее, чем сновидения. Женский крик ударил по нервам, как оголенный провод:

– А-а! Помогите! Кто-нибудь!

Глеб Аркадьевич вскочил, спросонок не соображая, где это он находится и почему его комната выглядит не так, как вчера. Потом вспомнил вчерашний вечер и стал торопливо одеваться, путаясь в рукавах и не попадая ногами в брюки. Предстояло еще спуститься по лестнице на первый этаж.

Когда он дохромал до места происшествия, там уже собралось порядочно народу. Звоницкий узнал супругу Ильи, Ирину. Теперь она была не в зеленом платье, а в голубом воздушном халате, золотые волосы змеились по плечам. По бледному лицу безостановочно текли слезы, а рот был глупо приоткрыт.

Вокруг толпились какие-то тетки в байковых халатах и флисовых спортивных костюмах – видимо, obsлуга дома.

– Батюшки, страх-то какой...

– Да что же это делается-то...

– В своем доме ведь... в своем доме...

– Надо его снять оттуда!

– Ага, пусть милиция этим занимается... в смысле, полиция...

Замирая от нехорошего предчувствия, Звоницкий раздвинул толпу. Прямо посреди зала, где вчера проходил прием, с потолка свисала громадная люстра. Еще вчера Глеб обратил на нее внимание – подобная штука не очень-то вписывалась в интерьер загородного дома. Помнится, вчера Илья что-то говорил про муранское стекло...

Так вот, с потолка свисала прекрасная люстра из муранского стекла. А с люстры свисал труп преуспевающего адвоката Ильи Старикова.

Глава 3

Итак, юбилей Ильи Петровича Старикова закончился полным кошмаром. Дом после праздника затих далеко за полночь – пока убрали посуду и помещение, пока хозяин с гостем закончили беседу... В четыре утра Ирина Старикова спустилась вниз, чтобы, как она утверждала, взять в холодильнике бутылку воды – запить таблетку от головной боли. И обнаружила мужа висющим на люстре.

Вопли молодой вдовы мгновенно разбудили всех в доме. Домочадцы и слуги столпились вокруг страшной находки в полной растерянности. Даже Звоницкий растерялся – а уж он-то во время работы в прокуратуре сталкивался с преступлениями чаще, чем остальные зубы чистили.

То, что это именно преступление, убийство, Глеб понял сразу. Мысль о самоубийстве Ильи Старикова он даже не допускал. Не такой был человек Илья... К тому же Звоницкий расстался с ним всего за несколько часов до смерти. Адвокат вовсе не выглядел подавленным, не испытывал проблем ни с деньгами, ни со здоровьем, с родными и близкими был в ладу... Так что самые распространенные причины для суицида Глеб отбросил сразу же.

Не бывает так, чтобы здоровый, довольный жизнью и собой, крепкий мужик, только что справивший юбилей в кругу не последних в этом городе людей, муж молодой красотки и отец другой, еще краше, преуспевающий адвокат, только что получивший достойно оплачиваемую непыльную работенку, вдруг ни с того ни с сего взял и покончил с собой... Да еще таким способом – всем напоказ. И это при том, что в доме находился сейф с коллекцией огнестрельного оружия – еще вчера Стариков хвастался перед однокашником...

Глеб просто не мог поверить, что Ильи больше нет. С первого взгляда Звоницкий понял, что помочь уже ничем нельзя – тело даже успело остыть. Ирина Старикова рыдала, разбила стакан и даже порезалась осколками стекла. Толстая домработница по-матерински обняла хозяйку за плечи и куда-то увела – подальше от тяжелого зрелища. Звоницкий остался в окружении растерянных теток. Он достал мобильный телефон и вызвал полицию. Подумал – и сделал еще один звонок.

– Саша? Это Звоницкий. Извини, что беспокою, но дело не терпит отлагательств. Я в доме Старикова. Ну, помнишь, Илья Стариков, адвокат? Он убит. Да, точно.

Поговорив еще минут десять, Глеб прервал связь. Александр Пестряков был замначальника УВД. Когда-то он проходил стажировку у Звоницкого и до сих пор чрезвычайно уважал Глеба Аркадьевича. Обычно Звоницкий старался не задействовать связи «из прошлой жизни», но тут был такой случай...

– Папа? Папа?!

Как ни странно, Арина Старикова явилась к месту трагедии последней. Даже Глеб с его больной ногой опередил ее минут на пятнадцать. Странно, крики Ирины разбудили бы кого угодно, а дочь убитого их не слышала? Девушка была полностью одета – в отличие от остальных обитателей дома, которые прибежали кто в пижаме, кто в халате. На Стариковой были джинсы, свитерок и мокрые от росы кроссовки.

– Нет, нет! Он не мог так со мной поступить! – кричала Арина. Девушка повернулась к Глебу и яростно напустилась на него: – Что же вы стоите?! Нужно его снять! Сделать искусственное дыхание, массаж сердца...

Глеб перехватил ее кулачок – кажется, Арина всерьез собралась его ударить – и мягко произнес:

– Арина, слишком поздно. Он умер. Ему нельзя помочь.

– Тогда снимите его! Я не могу видеть... – всхлипнула девушка.

– И этого делать не надо, – вздохнул Звоницкий. – Сейчас приедет полиция. Им нужно осмотреть место преступления. И до их приезда ничего нельзя трогать...

– Полиция?! – вскинула голову Арина Старикова. – Кто же их вызвал?

– Я сделал это по праву старого друга вашего отца, – стараясь говорить спокойно, произнес Звоницкий. – Постарайтесь взять себя в руки, Арина. Вам понадобится все ваше самообладание. Сейчас приедут представители закона, начнут задавать вопросы. Вам придется на них отвечать.

– Да не хочу я ни с кем разговаривать! – вскинулась Старикова. – Оставьте меня в покое! Девушка всхлипнула и бросилась вверх по лестнице – очевидно, в свою комнату.

– Мы... того... это... пойдем, а? – робко спросила Глеба толстая тетка во флисовом костюме. Обслуживающий персонал как-то сразу признал Звоницкого главным.

– Хорошо, идите, – кивнул Глеб. – Только пусть никто не разъезжается по домам, ясно? До приезда полиции все остаются в доме.

Вот так Глеб Аркадьевич остался наедине с телом старого друга. Он подтащил стул и устроился неподалеку от тела – нести стражу, охранять покой умершего... Точнее, убитого.

Судебную медицину Звоницкий, конечно, слегка подзабыл, но не настолько, чтобы не понять: Стариков умер другой смертью. На люстру муранского стекла подвесили уже мертвое тело.

Конечно, причину смерти адвоката установит патологоанатом, но уже сейчас Звоницкий мог сказать точно: это не асфиксия. Отсутствовали характерные признаки – синюшно-багровое лицо, застой крови, высунутый за линию зубов язык. Зато Глеб заметил посиневшие ногти и губы адвоката, а еще полосу засохшей на губах пены. Острая сердечная недостаточность? Или все-таки отравление?

Ах, Илья, Илья! Кому ты мог помешать? Кому перешел дорогу? Кто мог так ненавидеть тебя, чтобы не просто убить, но и устроить эту отвратительную инсценировку? Зачем, ради чего?

Полиция прибыла похвально быстро – минут через двадцать после звонка Глеба. И завертелись привычно жернова закона. Естественно, Звоницкий одним из первых попал под подозрение.

Молоденький следователь снимал показания, и Глеб прямо-таки видел, как в его черепушке копошатся мысли следующего содержания: «Ах, значит, однокашник? Двадцать лет не виделись, да? А теперь вдруг ни с того ни с сего покойник пригласил тебя на юбилей? Странно, странно, непонятно... Списочек гостей мы уже составили. И граждане там все непростые, важные, можно сказать, шишки... а ты кто такой? Ах, ветеринар, кошачий доктор?! Ну, вот ты у нас и будешь крайним... Для начала... надо же с кого-нибудь начинать? Ну не с хозяина же «Русь-Банка», в самом-то деле?... А пока будьте любезны, подписочку о невыезде...»

Звоницкий нервничал, но не сильно. Он знал, что сейчас будет, а парнишка еще об этом не догадывался. И точно – через час приехал Пестряков с помощником, и с этого момента жернова правоохранительной машины завертели в полную силу.

Звоницкий знал, что для его друга будет сделано все, что только возможно. И если убийцу вообще можно поймать, его поймут, кем бы ни оказался. Но сам Глеб Аркадьевич ничем помочь не мог – он слишком мало знал о жизни Ильи в последние годы, слишком долго с ним не виделся. От этого Звоницкий чувствовал свою беспомощность и бессильную злость.

Наконец ему разрешили уехать. Звоницкий хотел попрощаться с Ариной и предложить помощь, но дочка Ильи беседовала с полицейским и только обожгла Звоницкого сердитым взглядом. Попытался поговорить с вдовой, но та рыдала в спальне, и Глеб не рискнул ее беспокоить.

К двенадцати дня Глеб Аркадьевич был уже дома. Он чувствовал себя отвратительно – разбитым, старым, совершенно больным.

Единственное, что могло вывести его из этого состояния, – это работа. Поэтому Звоницкий принял душ, переделся в чистое и к двум поехал в клинику. На два часа была назначена плановая операция, и Звоницкий не хотел подводить людей.

У престарелой кошки было онкологическое заболевание, и это как раз тот случай, когда гуманнее – не говоря уж про «дешевле» – усыпить животное. Но хозяева души не чаяли в своей Матильде и слезно просили Глеба Аркадьевича попытаться спасти кошку.

Пока Звоницкий оперировал, хозяева держались за руки в приемной, а когда сообщил им, что операция, кажется, прошла успешно и у Матильды появился шанс, принялись со слезами благодарить Глеба и совать деньги в карман его хирургической робы. Звоницкий едва отбил, провел платеж через кассу. Будучи юристом, он не любил нарушать закон даже в мелочах. Вот с мелочей-то все и начинается...

До самого вечера Глеб Аркадьевич принимал пациентов и к концу дня окончательно вымотался и взмок. Нет, так дальше нельзя. Клиника чрезвычайно востребована, поэтому нужно срочно искать ассистента. Работать одному – это не дело...

И тут зазвонил телефон.

– Господин Звоницкий? – деловито осведомился девичий голос в трубке. – Вы меня помните? Вы мне вчера дали свою визитную карточку. У меня еще машина такая приметная, красная. Я вам помогала делать трахеотомию собаке. Меня зовут Яна Казимирова. Вы все еще ищете ассистента? Я готова выйти на работу хоть завтра. Кстати, я сейчас неподалеку от вашей клиники. Хотите, заеду?

И заехала. Что ж, не зря Звоницкий вручил Яне Казимировой свою визитку...

Он попросил девушку рассказать о себе: где работала раньше, почему уволилась. Казимирова принялась излагать историю своей короткой, но бурной жизни.

Оказалось, отец Яны был военным. Девочка моталась вместе с папой по городам и весям, нигде не задерживаясь надолго. Яна любила животных и уже лет с пяти твердо знала, что будет ветеринаром.

В восемнадцать девочка заявила отцу, что хватит с нее переездов. Она уже взрослая и готова сама строить свою жизнь так, как нравится. Папа знал, что характер у дочери – кремень

и спорить с ней совершенно бесполезно. Яна выбрала питерскую ветеринарную академию и отправилась в северную столицу. И поступила, проявив завидное упорство. Все годы обучения Яна могла надеяться только на себя, поскольку ни родных, ни знакомых в Питере у девушки не было. О студенческих временах Яна рассказывала с юмором, но у Звоницкого создалось впечатление, что ей пришлось несладко.

Закончив учебу, Яна осуществила свою давнюю мечту – устроилась работать в цирк. Разумеется, не в питерский – туда бы вчерашнюю студентку просто не взяли, а в провинциальный. Вместе с цирком Яна Казимирова объездила всю страну и даже побывала за границей – в Белоруссии, кажется. Но потом для цирка настали тяжелые времена. И его закрыли, а животных распродали. Обливаясь слезами, Яна расцеловала на прощание всех слонов и питонов.

Девушка решила сменить место жительства и отправилась искать счастья. Судьба, принявшая облик болвана на джипе – того самого, что сбил бедного Джерри, – свела девушку с Глебом Аркадьевичем, и теперь Яна была ей – то есть судьбе – благодарна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.